

ИЛЬЧЁВ
Станислав Алексеевич

бакалавриат, Российский Государственный
Университет Правосудия имени В.М. Лебедева
(Москва, Россия),
ilyichovsa@gmail.com

ПРЕЗУМПЦИЯ СОВМЕСТНОГО ВОСПИТАНИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ: ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Научный руководитель:

Бедретдинова Валерия
Валерьевна

Рецензент:

Слясский Дмитрий Павлович
Статья поступила: 15.10.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Статья раскрывает неэффективность действующей модели определения места жительства ребёнка после развода, основанной на широком судебном усмотрении. Цель — обоснование введения опровергимой презумпции совместного воспитания. Методом сравнительно-правового и формально-юридического анализа разработаны закрытый перечень оснований опровержения и процессуальный механизм. Результат — предложения по изменению ст. 24, 65–66 СК РФ и ст. 79 ГПК РФ.

Ключевые слова: семейное право, совместное воспитание, презумпция совместной опеки, равенство родительских прав, наилучшие интересы ребёнка

Для цитирования: Ильчёв С. А. Презумпция совместного воспитания в семейном праве: правовая конструкция и механизм реализации // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 103–109.

Современная правоприменительная практика по спорам о детях после расторжения брака демонстрирует системный кризис. Широкое распространение получают случаи нарушения семейного законодательства, что требует адекватной реакции со стороны правовой системы. Как справедливо отмечают исследователи, «в последние годы широкое распространение получают случаи различных нарушений семейного законодательства» [Мазанаева: 138], и споры о детях являются одной из наиболее острых и болезненных категорий таких дел. Декларированный в статье 61 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) принцип равенства прав¹ и обязанностей родителей *de facto* не реализуется, уступая место модели, при которой один родитель становится «основным», а второй — «воскресным».

Актуальность темы определяется тем, что в 94–95 % случаев ребёнок передаётся матери [Камышова: 1], что противоречит принципу равенства родителей, а законопроект № 983464-8 не устраниет судебный произвол. Цель исследования — разработка правовой модели презумпции совместного воспитания для преодоления судебного усмотрения. В задачи работы входит: обосновать необходимость презумпции; определить её правовую конструкцию и основания опровержения; разработать процессуальный механизм; сформулировать изменения в СК РФ и ГПК РФ. В исследовании используются формально-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ и юридическое моделирование.

* * * * *

Недавняя попытка реформирования законодательства, выраженная в законопроекте № 983464-8², не решает ключевой проблемы. Предложенная в нем формулировка «суд может установить порядок совместного воспитания» (ст. 65.1 проекта) сохраняет концептуальный изъян действующей системы — неограниченные дискреционные полномочия суда. Фактически, правоприменитель по-прежнему будет решать вопрос исходя из своего внутреннего убеждения, а не на основе четкого правового стандарта. Представляется, что кардинальное изменение ситуации возможно лишь через смену парадигмы: от судебного усмотрения к законодательно закрепленному стандарту. Таким стандартом должна стать опровергнутая презумпция совместного воспитания, успешно апробированная в правовых системах ряда зарубежных стран.

Презумпция представляет собой фундаментальный инструмент юридической техники. В самом общем виде это «закрепленное в правовой норме предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [Давыдова: 159]. Данный прием активно используется в различных отраслях права, однако особое значение он приобретает в сфере частноправового регулирования. Как подчеркивает С.В. Поленина, «презумпции — институт, достаточно широко распространенный в отраслевом законодательстве. Однако чаще всего он используется законодателем в сфере частного права, нормами которого регламентируются отношения, непосредственно затрагивающие права, обязанности и интересы граждан, в том числе в сфере семейных отношений» [Поленина: 460].

Семейное право России уже активно использует данный инструментарий. Наиболее яркими примерами являются презумпция отцовства (ст. 48 СК РФ), презумпция совместной собственности супругов (ст. 34 СК РФ) и презумпция согласия супруга на распоряжение общим имуществом (ст. 35 СК РФ). Их основная функция — обеспечение стабильности правоотношений, процессуальная экономия и защита интересов более слабой стороны, которой в спорах о детях, безусловно, является сам ребенок. Введение презумпции совместного воспитания логично встраивается в существующую систему, поскольку она призвана выполнять те же задачи: стабилизировать отношения ребенка с обоими родителями после развода и защитить его фундаментальное право на заботу со стороны каждого из них.

Презумпция совместного воспитания — это закрепленное в законе предположение о том, что после прекращения семейных отношений между родителями в наилучших интересах ребенка находится сохранение его полноценного и регулярного общения с каждым из них, что выражается в равном участии родителей в воспитании и примерно равном распределении времени проживания ребенка с каждым из них, если иное не доказано заинтересованной стороной.

По своей правовой природе данная презумпция является опровергимой (*prae*sumptio iuris tantum**). Ее вероятностный характер — ключевая особенность, отличающая ее от непреложных аксиом. Как точно подмечено Н.А. Никиташиной, «презумпции как предположения вероятностные всегда могут быть опровергнуты. Другое дело, каков будет порядок этого опровержения» [Никиташина: 38]. Именно установление четкого порядка опровержения и является залогом эффективности предлагаемой конструкции.

Ключевой целью презумпции выступает защита интересов ребенка. Этот принцип является краеугольным для всего семейного законодательства, и любые правовые новеллы должны рассматриваться через его призму. Как отмечает О.Ю. Ильина, «презумпция приоритета интересов ребёнка закреплена среди других основных начал семейного законодательства, провозглашённых государством, что является выражением явно публичного интереса в регулировании семейных отношений» [Ильина: 122]. Предлагаемая

презумпция не противоречит этому началу, а, напротив, конкретизирует его, устанавливая, что в типичной ситуации наилучшим интересам ребенка соответствует именно равное участие обоих родителей в его жизни.

Бремя опровержения при таком подходе возлагается на родителя, возражающего против установления порядка совместного воспитания. Он должен представить суду ясные и убедительные доказательства того, что такой порядок будет противоречить наилучшим интересам ребенка.

Для того, чтобы презумпция не превратилась в фикцию, а судебное усмотрение не вернулось через «черный ход», необходимо сформулировать закрытый (исчерпывающий) перечень оснований для ее опровержения. Это позволит избежать расширитального толкования и защитит от укоренившихся стереотипов. Существующая практика, к сожалению, демонстрирует иное. В научной литературе давно отмечается, что «в судебной практике по спорам об определении места жительства ребенка наблюдается необоснованный перекос в пользу оставления ребенка с матерью, что не соответствует нормам и принципам семейного права» [Зыков: 92].

Предлагаемый перечень оснований для опровержения может включать:

А) угрозу безопасности ребенка: документированные случаи домашнего насилия, подтвержденные медицинские зависимости родителя (алкоголизм, наркомания), психические расстройства, препятствующие адекватному уходу;

Б) объективную невозможность: проживание родителей в разных населенных пунктах либо на значительном расстоянии от друг друга (более 70 километров или более 60 минут транспортной доступности до школы/детского сада ребёнка), либо график работы одного из родителей, объективно несовместимый с уходом за ребёнком (например, вахтовый метод);

В) добровольный отказ самого родителя от реализации модели совместного воспитания;

Г) родительское отчуждение: доказанное посредством комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы целенаправленное формирование одним родителем негативного отношения ребенка к другому родителю. Такое поведение является не просто злоупотреблением правом, а формой психологического насилия над ребенком. Подобное систематическое неисполнение родительских обязанностей, как верно указывает М.В. Громоздина, «может совершаться исключительно в форме умысла, при этом родитель ясно осознает, что таким поведением причиняет вред своему ребенку» [Громоздина: 95]. В этом случае суд должен иметь право принять решение о передаче ребенка на преимущественное воспитание родителю, ставшему жертвой отчуждения.

При этом критически важно закрепить, что не является основанием для опровержения презумпции: больший доход одного из родителей, лучшие жилищные условия, пол родителя или немотивированное заявление ребенка о нежелании общаться с родителем.

Внедрение презумпции требует перестройки процессуального алгоритма рассмотрения споров о детях.

Шаг 1: Суд *ex officio* исходит из презумпции совместного воспитания. Вопрос ставится не «почему нужно совместное воспитание?», а «существуют ли установленные законом препятствия для него?».

Шаг 2: Бремя доказывания наличия оснований из закрытого перечня (раздел 3) лежит на возражающем родителе. Суд по ходатайству этой стороны назначает необходимые экспертизы.

Шаг 3: Если основания не доказаны, суд обязан установить порядок совместного воспитания, утвердив Соглашение о воспитании (Parenting Plan).

Такое соглашение, как определяет его А.И. Тимакова, — это «договор между

разводящимися супружами об определении места жительства, порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, размере и порядке выплаты алиментов» [Тимакова: 41]. В нашем контексте оно должно включать детальный график проживания, порядок несения расходов, правила принятия решений по вопросам образования и здоровья, а также процедуру разрешения будущих споров (например, обязательную медиацию). Внедрение четких механизмов необходимо, поскольку суды зачастую сталкиваются с отсутствием эффективных инструментов правовой защиты. Как отмечает Н.А. Темникова, «суды всё чаще сталкиваются с проблемой отсутствия в законе способов защиты, которые должны применяться в таких случаях» [Темникова: 105]. Разработанное и утвержденное судом Соглашение о воспитании становится таким инструментом.

Для имплементации предложенной модели необходимы точечные, но концептуально важные изменения в СК РФ и ГПК РФ.

А) В Семейный кодекс РФ — изложить п. 2 ст. 24 СК РФ в следующей редакции: «2. При расторжении брака в судебном порядке супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях. При отсутствии такого соглашения или его несоответствии интересам детей, суд устанавливает порядок совместного воспитания обоими родителями, если иное не доказано в соответствии со статьей 65.1 настоящего Кодекса».

Дополнить СК РФ статьей 65.1 «Презумпция совместного воспитания»:

«1. При раздельном проживании родителей предполагается, что ребенок проводит с каждым из родителей примерно равное время и оба родителя в равной мере участвуют в его воспитании (презумпция совместного воспитания). Суд обязан исходить из данной презумпции, если иное не доказано заинтересованной стороной.

2. Презумпция совместного воспитания может быть опровергнута только при наличии доказательств: а) угрозы жизни, здоровью или нравственному развитию ребенка со стороны одного из родителей; б) проживания родителей в разных населенных пунктах либо на значительном расстоянии друг от друга (более 70 километров или более 60 минут транспортной доступности до образовательного учреждения ребенка); в) наличия у одного из родителей подтвержденных медицинскими документами заболеваний, препятствующих надлежащему уходу за ребенком; г) установленного судом факта систематического родительского отчуждения одним из родителей; д) добровольного отказа одного из родителей от участия в совместном воспитании.

3. Если установлено, что один из родителей систематически препятствует общению ребенка с другим родителем, создавая препятствия для исполнения судебного решения или соглашения, суд может принять решение о передаче ребенка на преимущественное воспитание родителю, чьи права нарушились». Эта мера необходима, поскольку, как показывают статистические данные, представленные Е.В. Камышовой и З.Н. Лазаревой, «в 94–95 % случаев опекуном ребенка становится мать, хотя с каждым годом все большее число российских отцов... отстаивает право на его воспитание» [Камышова: 1], что свидетельствует о системном перекосе, требующем законодательной коррекции.

Б) В Гражданский процессуальный кодекс РФ³ — дополнить ст. 79 ГПК РФ пунктом 4 следующего содержания: «4. При рассмотрении споров о воспитании детей, при наличии признаков оказания на ребенка неправомерного влияния с целью формирования негативного отношения к другому родителю, суд по своей инициативе или по ходатайству сторон обязан назначить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу».

Возможные возражения и их опровержение:

Возражение 1: «Ребенку нужна стабильность, а не скитания между домами». Ответ: стабильность для ребенка — это не статичность места, а предсказуемость и эмоциональная безопасность. Четкий график (например, неделя/неделя) более стабилен, чем редкие и часто

ссылаемые встречи. Психологические исследования показывают, что сохранение полноценных отношений с обоими родителями является ключевым фактором благополучной адаптации ребенка к разводу.

Возражение 2: «Суд потеряет гибкость, будет действовать механически». Ответ: презумпция является опровергимой, а перечень оснований для ее опровержения, хотя и закрытый, требует от суда тщательной оценки доказательств. Судебная дискреция сохраняется, но она направляется в русло доказывания конкретных, угрожающих ребенку обстоятельств, а не базируется на гендерных стереотипах.

Возражение 3: «Это невозможно при высококонфликтных родителях». Ответ: именно для высококонфликтных пар презумпция наиболее необходима, поскольку она устраниет главный предмет спора — «кто главный родитель». Конфликт часто является следствием, а не причиной борьбы за ребенка. Как отмечает Л.Ю. Фомина, наиболее травмирующей для ребенка является ситуация, «когда родители вовлекают ребенка в конфликт, пытаясь заставить его принять чью-либо сторону» [Фомина: 64]. Предлагаемый механизм, особенно норма о родительском отчуждении, направлен как раз на деэскалацию такого деструктивного поведения.

Возражение 4: «Совместное воспитание нарушит право ребёнка на образование и стабильное посещение одной школы». Ответ: презумпция опровергима именно по основанию значительного территориального удаления родителей (подп. «б» п. 2 ст. 65.1). Если родители живут далеко — график проживания строится так, чтобы ребенок посещал одно и то же образовательное учреждение (схемы 2-2-3-, неделя/неделя и др.). При доказанной невозможности ежедневного посещения одной школы презумпция опровергается, и суд устанавливает иной порядок.

* * * * *

Внедрение презумпции совместного воспитания является логичным развитием принципа равенства родительских прав, закрепленного в ст. 61 СК РФ, и наилучших интересов ребенка. Данная правовая конструкция технически реализуема через механизм опровергимой презумпции с закрытым перечнем оснований для опровержения, что смещает бремя доказывания и вводит четкий правовой стандарт взамен субъективного судебного усмотрения. Предложенные изменения в СК РФ и ГПК РФ носят точечный, но концептуальный характер, способный кардинально изменить правоприменительную практику, снизить уровень конфликтности при разводе и, что самое главное, защитить право ребенка на полноценную семью, пусть и в новых условиях раздельного проживания родителей. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке эффективных механизмов выявления и противодействия родительскому отчуждению как основной угрозе реализации принципа совместного воспитания. Предложенные формулировки оснований для опровержения презумпции (включая критерии территориального удаления и родительского отчуждения) обладают достаточной правовой определенностью и реально ограничивают судебное усмотрение рамками закрытого перечня.

Примечания

¹ Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.: ред. от 23 ноября 2024 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г. // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.10.2025).

² Проект Федерального закона № 983464-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983464-8> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от

14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23 октября 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г.: ред. от 31 июля 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс». сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.10.2025).

Список литературы

Громоздина М.В. Порядок осуществления родительских прав при раздельном проживании родителей: критерии установления и реальное исполнение // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 92-96. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.092-096

Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159-170.

Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92-111. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111

Ильина О.Ю. Частноправовые и публично-правовые презумпции интересов ребёнка в семейном кодексе РФ // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 120-125.

Камышова Е.В. Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода / Е.В. Камышова, З.Н. Лазарева // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 1-5. DOI: 10.24158/tipor.2018.1.5

Мазанаева А.Ю. Понятие и правовая природа семейно-правовой ответственности / А.Ю. Мазанаева, С.А. Сулейманова // Закон и право. 2025. № 4. С. 138-141. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-138-141

Никиташина Н.А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex Russica. 2018. № 3(136). С. 34-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.034-051

Поленина С.В. Презумпция в семейном праве: тенденции развития // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 460-562.

Темникова Н.А. Фиктивность в семейном праве // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2017. № 4(53). С. 105-110. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.4.105-110

Тимакова А.И. Права ребенка в соглашении о детях // Современная наука. 2014. № 4. С. 40-42.

Фомина Л.Ю. Влияние развода родителей на личность подростка // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2008. № 1-2. С. 63-66.

Stanislav A. ILYICHOV

bachelor's degree, Lebedev Russian State University of Justice (Moscow, Russia),
ilyichovsa@gmail.com

THE PRESUMPTION OF JOINT PARENTING IN FAMILY LAW: LEGAL FRAMEWORK AND IMPLEMENTATION

Scientific adviser:

Valeria V. Bedretdinova

Reviewer:

Dmitry P. Slyasskiy

Paper submitted on: 10/15/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article highlights the shortcomings of the current broad-discretion approach to determining child's place of residence after divorce. The aim is to substantiate a rebuttable presumption of joint parenting. Through comparative and formal-legal analysis, the author establishes the basis for rebuttal and proposes a procedural framework. The findings include recommendations to amend Articles 24, 65–66 of the Family Code of the Russian Federation and Article 79 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: family law, joint parenting, presumption of joint custody, parental equality, child's best interests

For citation: Ilyichov, S. A. The Presumption of Joint Parenting in Family Law: Legal Framework and Implementation. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 103–109.

References

- Gromozdina M.V. The procedure for exercising parental rights in parental separation: Criteria for implementation and enforcement. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, No. 5(78), pp. 92-96. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.092-096 (In Russ.)
- Davydova M.L. Legal presumptions in the system of legal technique means. *Juridical Techniques*, 2010, No. 4, pp. 159-170. (In Russ.)
- Zykov S.V. Joint physical custody or determining place of residence of the child on a parity basis? *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, No. 1, pp. 92-111. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111 (In Russ.)
- Ilyina O.Yu. Private law and public law presumptions of the child's interests in the Family Code of the Russian Federation. *Business in Law*, 2005, No. 1, pp. 120-125. (In Russ.)
- Kamyshova E.V., Lazareva Z.N. Social correction of relationships between children and relatives of a non-custodial parent after divorce. *Theory and Practice of Social Development*, 2018, No. 1, pp. 1-5. DOI: 10.24158/tipor.2018.1.5 (In Russ.)
- Mazanaeva A.Yu., Suleimanova S.A. Concept and legal nature of family liability. *Law and Legislation*, 2025, No. 4, pp. 138-141. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-138-141 (In Russ.)
- Nikitashina N.A. Classification of presumptions in family law. *Lex Russica*, 2018, No. 3(136), pp. 34-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.034-051 (In Russ.)
- Polenina S.V. Presumption in family law: development trends. *Juridical Techniques*, 2010, No. 4, pp. 460-562. (In Russ.)
- Temnikova N.A. Fictitiousness in family law. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2017, No. 4(53), pp. 105-110. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.4.105-110 (In Russ.)
- Timakova A.I. Rights of the child in the agreement for children. *Modern Science*, 2014, No. 4, pp. 40-42. (In Russ.)
- Fomina L.Yu. Influence of divorce of parents on development of the person of the teenager. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psichologiya. Pedagogika*, 2008, No. 1-2, pp. 63-66. (In Russ.)